ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ (ЖУРНАЛ) РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

ЧЕСТЬ И ВѢРНОСТЬ

КЁНИГСБЕРГ № 6 ИЮЛЬ 2013 ГОДА

РОССИЯ ВОЗРОДИТСЯ ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА В ДУШЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА ВНОВЬ ПОЯВИТСЯ АЛТАРЬ ДЛЯ БОГА И ПРЕСТОЛ ДЛЯ ЦАРЯ!

Адрес редакции:
Нойендорферштрассе, Храм Св. Блгв. Царя-мученика Николая II • E-mail: info@virtus-et-gloria.com

Редакционная коллегия Балтийского Авангарда Русского Сопротивления (Б.А.Р.С.)

КОДЕКС ЧЕСТИ РУССКОГО ОФИЦЕРА
Свод неписанных правил поведения офицеров Императорской Армии и Флота. **Стр. 2.**

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ
Житель довоенного Кёнигсберга, русский религиозный мыслитель и зондерфюрер Вермахта. **Стр. 3.**

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
О жизни русского народа в СССР. Свидетельства белого офицера. **Стр. 6.**

ОСНОВЫ НАШЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Монархизм. Легитимизм. Служение. **Стр. 9.**

ЗА КОРОЛЯ!
Воззвание лидера сербских монархистов Дмитрие Лётича от 1945 года. **Стр. 10.**

НЕОЯЗЫЧЕСТВО. ОСМЫСЛЕНИЕ
О причинах возрождения языческих культов и традиций в современной России. **Стр. 12.**

ВЫХОД ИЗ СМУТЫ
Предложение игумена Николая (Мамаева) по уврачеванию церковных расколов и объединению сил монархистов. **Стр. 17.**

СВ. ЦАРЬ МУЧЕНИК НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

4/17 ИЮЛЯ 1918

Русская Православная Церковь Заграницей в 1981 году установила праздновать день Св. Царя-мученика Николая II 4 июля (17 июля по новому стилю), тем самым подтверждая и прославляя подвиги нашего Государя Императора. **О Царской Семье на стр. 14**

КОДЕКС ЧЕСТИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

В Российской Империи не было писанного кодекса чести русского офицера, но существовал ряд общеизвестных правил, которых должен был придерживаться каждый офицер. К примеру, русский офицер не мог жениться на артистке (актрисе, балерине), дающей публичные выступления. Для этого он должен был бы оставить службу и покинуть родной полк. В 1904 году ротмистр Валентин Михайлович Кульчинский собрал воедино "Советы молодому офицеру", которые являются отражением нравственного облика Русской Императорской Армии, унаследованного впоследствие офицерами Белых Армий.

Не обещай, если ты не уверен, что исполнишь обещание.

Держи себя просто, с достоинством, без фатовства.

Необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и начинается низкопоклонство.

Не пиши необдуманных писем и рапортов сгоряча.

Меньше откровенничай — пожалеешь. Помни: язык мой — враг мой!

Не кути — лихость не докажешь, а себя скомпрометируешь.

Не спеши сходиться на короткую ногу с человеком, которого недостаточно узнал.

Избегай денежных счетов с товарищами. Деньги всегда портят отношения.

Не принимай на свой счет обидных замечаний, острот, насмешек, сказанных вслед, что часто бывает на улицах и в общественных местах. Будь выше этого. Уйди — не проиграешь, а избавишься от скандала.

Если о ком-нибудь не можешь сказать ничего хорошего, то воздержись говорить и плохое, если и знаешь.

Ничьим советом не пренебрегай — выслушай. Право же, последовать ему или нет, останется за тобой. Сумей воспользоваться хорошим советом другого — это искусство не меньшее, чем дать хороший совет самому себе.

Сила офицера не в порывах, а в нерушимом спокойствии.

Береги репутацию доверившейся тебе женщины, кто бы она ни была.

В жизни бывают положения, когда надо заставить молчать свое сердце и жить рассудком.

Тайна, сообщенная тобой хотя бы только одному человеку, перестает быть тайной.

Будь всегда начеку и не распускайся.

Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а аргументы тверды. Старайся не досадить противнику, а убедить его.

На публичных маскарадах офицерам не принято танцевать.

Разговаривая, избегай жестикуляции и не возвышай голос.

Если вошел в общество, в среде которого находится человек, с которым ты в ссоре, то, здороваясь со всеми, принято подать руку и ему, конечно, в том случае, если этого нельзя избежать, не обратив внимания присутствующих или хозяев. Подача руки не даёт повода к излишним разговорам, а тебя ни к чему не обязывает.

Ничто так не научает, как осознание своей ошибки. Это одно из главных средств самовоспитания. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Когда два человека ссорятся — всегда оба виноваты.

Авторитет приобретается знанием дела и службы. Важно, чтобы подчиненные уважали тебя, а не боялись. Где страх — там нет любви, а есть затаенное недоброжелательство или ненависть.

Нет ничего хуже нерешительности. Лучше худшее решение, чем колебание или бездействие. Упущенный момент не вернешь.

Тот, кто ничего не боится, более могуществен, чем тот, кого боятся все.

Лучшая часть храбрости — осторожность.

Самые сильные заблуждения — это те, которые не имеют сомнения.

Скромен не тот, кто равнодушен к похвалам, а тот, кто внимателен к порицаниям.

Правильно мыслить более ценно, чем много знать.

Описание царских офицеров и солдат мы находим у англичанина Р. Вильсона:

“Они привычны ко всем переменам погоды и нуждам, к самой худой и скудной пище, к походам днем и ночью, к трудным работам и тягостям; упорно храбры, удобно возбуждаются к славным подвигам, преданы своему государю, начальникам и отечеству; набожны, но не помрачены суеверием; терпеливы и сговорчивы, они соединяют всю силу характера необразованного народа со всеми преимуществами просвещенного… Русские офицеры весьма ласковы к солдатам, и с веселым духом разделяют с ними всякую нужду. Храбрость их достойна русского воина” ■

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ
РУССКИЙ ФИЛОСОФ и ЗОНДЕРФЮРЕР ВЕРМАХТА

До 1945 года в Кёнигсберге существовала русская община, состоявшая преимущественно из белоэмигрантов, то есть бывших граждан Российской Империи, вынужденных покинуть Родину по причине развязанного большевиками террора в отношении всего русского народа. Эти люди не смирились с обстоятельствами, и ждали только возможности вернуться в Россию и свергнуть ненавистный советский режим. Главой русской общины в Кёнигсберге был философ Николай Сергеевич Арсеньев.

Потомственнный дворянин, сын дипломата и приват-доцент Московского университета, он в числе большинства образованных людей своего времени осудил революцию 1917 года как беззаконие, посягательство на священные для каждого Русского понятия Бога, Церкви, Отечества. В 1920 году после закрытия в Саратовском университете кафедры сравнительной истории религии, которую он возглавлял, и после нескольких арестов, Арсеньев вынужден был покинуть Россию, где оставалась его семья.

Отец, 35 лет отдавший дипломатической службе, умер в большевистской тюрьме, а мать добровольно уехала на Соловки, куда были сосланы две ее дочери. В те времена СССР торговал не только иконами и священными предметами церковных богослужений, но и людьми. Родственников можно было выкупить. Но Николай Сергеевич, как и почти все русские эмигранты, был беден: его доход составляла небольшая ставка в 14 часов в Кенигсбергском университете. Попытки заработать необходимую для выкупа семьи сумму были поистине героическими: Арсеньев пишет и публикует статьи, благодаря помощи известного русского мыслителя Лосского получает еще 14 часов в Варшавском университете, куда ему приходится ездить из Кенигсберга два раза в месяц. В 1921 году его постигает большое личное горе - от тифа умирает его молодая жена Мария, с которой Арсеньев прожил всего два года, но верность которой сохранил на всю жизнь. К 1933 году благодаря материальной поддержке тетки Арсеньева, сестры матери, Лобановой-Ростовской, вышедшей до революции замуж за английского дипломата Эджертона, семья Арсеньевых воссоединилась в Кенигсберге. В Кёнигсберг из Парижа переехал также младший брат Арсеньева - Юрий, офицер Белой Армии генерала Юденича. Он поступил на работу в японское консульство, располагавшееся неподалеку от дома, в котором жил Николай Сергеевич, по адресу Регентенштрассе, 4.

Кстати, дом этот сохранился. Ныне это улица Чапаева, 4. В нём Арсеньев занимал комнаты второго этажа.

С ноября 1920 года, в течение 24-х лет (до ноября 1944 года), Николай Сергеевич преподавал в Кёнигсбергском университете на философском факультете, в качестве лектора русского языка и приват-доцента, а потом «доцента», потом «сверхштатного профессора» (Ausserplanmassiger Professor) по русской культуре и истории русской духовной жизни (Russische Geistesgeschichte), а также по истории религии (главным образом, по истории мистики). Это именно он дважды устраивал выступления в Кёнигсберге выдающегося русского мыслителя и одного из идеологов Белого движения **Ивана Александровича Ильина.** Они проходили в Штадтхалле (сейчас Историко-художественный музей). Арсеньев оставил запись о лекции Ильина в 1926 году на немецком языке о правосознании в современной России: «Эта лекция явилась выражением огромной духовной силы. В течение почти двух часов иностранная аудитория была захвачена лектором, слушая его с все возрастающим вниманием». Памятная доска об этих событиях недавно была установлена в здании исторического факультета Балтийского Государственного Университета им. И. Канта.

В 1937 году Арсеньев становится организатором конференции в Кенигсберге в защиту ученых, оставшихся в Советском Союзе. В журнале «Hochland», который выходил в Кенигсбергском университете, как «ежемесячный журнал для всех областей знаний», в январском номере 1938 года было напечатано выступление Н.С. Арсеньева на этой конференции «Судьба ученых в Советском союзе». Пользуясь различными источниками, Арсеньев приводит здесь списки наиболее известных русских учёных, умерших от голода, погибших в тюрьмах и лагерях СССР, расстрелянных и покончивших собой.

Глубокая религиозность была главной чертой Николая Сергеевича. Живя в Кенигсберге, он выезжал в города Восточной Пруссии, собирая вокруг себя православных верующих. Большая русская диаспора жила в Кранце (Зеленоградске), осевшая там после революции 1905 года. Группа единоверцев-старообрядцев с давних времен проживала в окрестностях Гумбиннена (Гусева). Немало русских было и в самом Кенигсберге. Все общины Восточной Пруссии, входившие в епархию митрополита Русской Православной Церкви

Заграницей Евлогия (Георгиевского), окормлял священник о. Александр (Аваев). При отсутствии священнослужителя Николай Сергеевич Арсеньев служил мирянским чином, собирая на большие православные праздники вокруг себя группу до 500-600 человек. Православного храма в Кенигсберге не было, и в газетах давалось объявление о богослужении в арендуемом помещении. Обычно это была Лёбенихтская реальная гимназия, здание которой не сохранилось. Ориентировочно, она располагалась на месте памятника советским морякам на Московском проспекте.

В горячих молитвах звучала мольба о России, о родине. В книге «Дары и встречи жизненного пути» Арсеньев вспоминал, как, находясь в Кенигсберге, однажды он проснулся от звучания песни, которую пела немецкая молодежь, уходя за город. И ему с такой остротой вспоминалась деревня Красное в Тульской губернии, где проводил он свои каникулы, Родина, родители, его учитель, ректор Московского университета князь С.Н. Трубецкой. Как писал Николай Сергеевич, «это было вроде сияющей сказки, но действительно пережитой мною в моей юности».

Свою жизнь в Кенигсберге Арсеньев называл «жизнь на отлете». И все же она была наполнена творчеством. В 1929 году в Майнце была опубликована книга о русской литературе. Это монография вышла на немецком языке. Мыслитель стремился донести до западного читателя русскую литературу, ее духовную глубину. В творчестве славянофилов, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н.Толстого, А.П. Чехова, В.В. Розанова, поэтов А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева он, прежде всего, видит выражение христианского духа.

В 1939 году Арсеньев издает свою кгигу „Heilige Moskau" („Святая Москва, картины религиозной и духовной жизни XIX столетия"). Это портрет российской столицы, как центра культуры. Это книга об истории духовной культуры России, ее православной основы, ее художественных форм, об архитектуре, музыке, поэзии, живописи в Москве. Российское общество представлено философами, богословами, учеными - „праведниками", как замечает Арсеньев, подчеркивая их нравственную красоту. Книга написана на немецком языке, так как была адресована в первую очередь немецкому читателю. Позже она была переведена и издана на французском языке, на русский – не переведена до сих пор.

С началом Советско-германской войны в 1941 году Николай Сергеевич Арсеньев решает принять деятельное участие в Крестовом походе против большевизма и добровольцем поступает на службу в Вермахт в качестве переводчика в звании зондерфюрера.

В архиве айнзацштаба Рейхсминистра Восточных оккупированных территорий А. Розенберга (бывший подданый Российской Империи) сохранился отчет сотрудника айнзацштаба доктора Вундера о поездке в тыловые районы группы армий Север осенью 1941 года. В поселке Волосово (40 км. от Санкт-Петербурга) он встречает "переводчика, профессора фон Арсеньева, Кенигсберг", состоящего при местном Дулаге (лагерь для военнопленных).

В разговоре с Вундером Арсеньев рассказал о настроениях населения, в том числе о неудовлетворенности и тяготах в связи с немецкой политикой. Те попросили его составить рапорт, чтобы сделать доклад министру. При этом они договорились, что он будет описывать реальную картину, но не будет делать никаких политических выводов.

В документе, который он им передал, однако, всё было наоборот: почти ни слова о ситуации, только о перспективах (в частности профессор предлагал немцам *"образовать национальное [русское] правительство, чтобы восстановить прежний союз с русским народом"*).

"Забота русского националиста об интересах своего народа перевесила долг немецкого зондерфюрера", - резюмирует сотрудник айнзацштаба.

Процитируем отрывок из этого документа, который ярко иллюстрирует как германскую политику в России, так и деятельность и чаянья русских союзников Третьего Рейха: «*Здесь мы смогли глубже вникнуть в особенные трудности деятельности комендатур; это первое соприкосновение с населением в местности, которая испытывает на себе все тяготы войны и голода. Здесь живут эстонцы, финны и русские, кроме того здесь пришлось разместиться эвакуированным из зоны боев вокруг Петергофа. Переводчик Дулага профессор фон Арсеньев (Кёнигсберг) поведал нам о настроениях пленных и населения, и обстоятельно - об устройстве общедоступной библиотеки им. Достоевского, организованной по его указаниям (подробности позже). Так как его данные были подтверждены Кенигзедером и др., воспроизвожу главные тезисы. Население здесь в большинстве своем приобрело иммунитет против большевистской пропаганды, так как ее избыток вызывает оскомину. Население не антирелигиозно; в церковь - ее, последнюю в районе, закрыли около года назад - стекается все больше народу всех*

Казаки в частях Вермахта и СС (1941-1945)

возрастов. Но население ожидает от нас, когда военная обстановка позволит это, ликвидации голода и введения права на свободный труд. Существует нехватка - это особенно настойчиво подтверждает Кенигзедер - пропаганды, которая велась бы постоянно и просвещала, почему происходит или не происходит то или иное. Объяснений на наших первых плакатах о том, что мы освобождаем их от большевистского рабства и не допустим возвращения прежних угнетателей, недостаточно. Сейчас ждут позитивных начинаний, ждут речи министра. В Волосово, которое было значительным областным центром, фонды бывшей районной библиотеки, центрального книжного управления, молочного техникума и железнодорожной школы были спасены зондерфюрером профессором фон Арсеньевым из выгребной ямы и просмотрены. Те, что представлялись ему приемлемыми, он собрал в народную библиотеку, которой руководит бывшая учительница Надежда Степановна Паташникова и которую содержит община. Библиотека состоит примерно из 3000 русских книг, из них 1400 развлекательных. Она рьяно посещается, в том числе молодежью (ежедневно выдается 40 книг, бесплатно, открыта в течение дня, срок возврата 1-2 недели, картотека). Потребность велика. Особым спросом пользуются развлекательные книги, но также и учебные. По сообщению Арсеньева, кроме пропагандистских книг, которые он исключил, он обнаружил немало классики - многочисленные, в том числе новые издания Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Чехова, меньше Толстого. Достоевского почти нет (только остатки старых изданий). Есть несколько драматургов 19 века, небольшое количество переводов (Фауст, Мольер, Гамлет, Бальзак, Пиквик), многочисленные учебники (особенно естественные науки и техника, также по языкам), справочники, география (Гумбольдт), история и детские книги. Большая часть этих фондов объединена в новой библиотеке. О нынешнем положении надо заметить, что населению после нашего прихода недостает пропаганды, ему приходится голодать и вследствие войны оно не получает обещанной свободы. Таким образом идти навстречу в вопросах вроде этой библиотеки разумно».

В августе 1944 года Кёнигсберг подвергся английской бомбардировке. Один из жителей Кенигсберга вспоминал, что в год 400-летия Альбертины (Кенигсбергского университета) последняя лекция, прочитанная Арсеньевым студентам, была о творчестве Ф.М. Достоевского.

Ещё до оккупации Восточной Пруссии советскими войсками Арсеньев переезжает в Париж, а в 1948 - в Нью-Йорк, где становится профессором Свято-Владимирской духовной академии. Умер Николай Арсеньев в Нью-Йорке в декабре 1977 года.

Незадолго до своей кончины он говорил*: "Сейчас мысль о духовном преображении, которая, казалось бы, очень устарела, на самом деле наиболее ярка, потому что человечество всё же не настолько привязано к земному бытию и смысл человеческой жизни освящается духовным бытием, связью с Христом..."*

Недавно некая инициативная группа предложила правительству области установить на доме по ул. Чапаева, в котором проживал Арсеньев, мемориальную доску. В декабре 2012 года текст надписи на доске был утверждён: *«В этом доме с 1933 по 1944 год жил философ, культуролог и поэт Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977)»*. Решение принимал губернатор Цуканов. Но любители истории из среды негодующих советских патриотов незамедлительно распространили информацию о службе Николая Сергеевича Арсеньева в Вермахте. После чего в региональных СМИ появилась информация о том, что *"исполнение решения об установке мемориальной доски Н.С. Арсеньеву было приостановлено вплоть до выяснения обстоятельств пребывания ученого в Кёнигсберге"* ■

ДОКОЛЕ БУДЕТ МУКА СИЯ? РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Ниже публикуются отрывки из воспоминаний Александра Рудольфовича Трушновича - человека удивительной судьбы: восторженного юноши, мечтающего о великом славянском государстве от Белого моря до Адриатики; словенца по происхождению и солдата австрийской армии, перешедшего на сторону Российской Империи в Первой Мировой войне (1914-1918); одного из немногих оставшихся в живых добровольцев Первой Сербской добровольческой дивизии русской армии, сформированной из военнопленных славян; офицера Корниловского ударного полка, прошедшего через последние бои уже разлагавшейся революционной пропагандой Русской армии; рядового бойца, а потом офицера Корниловского полка Добровольческой армии; скрывавшегося по поддельным документам белого офицера, оставшегося в СССР; сельского врача, пережившего вместе с кубанскими деревнями и станицами и «расказачивание», и НЭП, и коллективизацию, и «голодомор»; католик, перешедший в православие период жестоких гонений на Российскую Православную Церковь. В жизни А. Трушновича разочарований было, увы, гораздо больше чем радостей. "Не вошел в столицу Белый Полк", как писала Цветаева и как мечталось всем корниловцам. Все боевые друзья погибли или ушли в эмиграцию, к жизни в которой большинство так никогда и не приспособилось. Русское крестьянство, казавшееся вечной и незыблемой основой русского государства, было раздавлено раскулачиванием и коллективизацией, православное священство, верное заветам святейшего Патриарха Тихона, погибло в концлагерях. Но несмотря на все разочарования Трушнович до конца жизни сохранил веру в людей, веру в великое будущее России.

Редакция.

...Когда-нибудь после освобождения от коммунистической диктатуры Россия узнает о тысячах тысяч преступлений. А может быть, это не нужно. Кому нужны эти рассказы о российских великомучениках? Самим русским, чтобы, обливаясь кровавыми слезами, читать книгу своей жизни? Ожиревшему буржую? И все-таки... Вот рассказ одного из оставшихся в живых мученика:

"Мы шли двенадцать дней. Из партии в триста человек осталось не больше половины. С нами было восемь детей: от двухлетнего мальчика

до двенадцатилетней девочки. У одной крестьянки их было трое. Ее пятилетняя девочка умерла в начале пути. Мы зарыли ее в снег, и бывший с нами архиерей начал читать молитву. Подбежали конвойные, избили его прикладами:

— Контрреволюцию будешь тут разводить, мать твою!..

Плакала мать, плакали дети, плакали все мы. Жутко было: пустыня, крики и брань конвоя, плач детей, рыдания матери и снежная могилка, на которой кто-то начертал крест.

Среди нас было восемь священников, двое служащих, несколько казаков, остальные — крестьяне. Священники были в летней одежде, головы повязаны тряпками, ноги обмотаны тоже тряпками или в лаптях. Отставших конвойные забивали до смерти. Партия стала редеть уже на четвертый день пути. Людей мучил кашель; мать, шатаясь, несла своего двухлетнего мальчика. Мы ее поддерживали, возле нее шел священник и помогал, сколько мог. На шестой день умерла вторая девочка. Мать уже не могла ни плакать, ни молиться. Она сидела со своим мальчиком на снегу, мы зарывали в снег девочку, двое священников шептали молитвы. Видно было, что матери хотелось лечь в снег и не вставать. Под утро умер и сынишка, и она его, мертвого, несла еще полдня. Потом легла, и мы ее уже не могли поднять. Священники, их оставалось пять, пали возле нее на колени и стали молиться, а мы вместе с ними. Конвойные смотрели на нас зверьем, но уже не били, а только ругали:

— Довольно, сволочи, помолились! Давай, пошли!

И мы пошли. У всех были отморожены уши, пальцы на ногах. Дотащились до места назначения. Два дня дали отдохнуть, потом погнали на лесоразработки. Выдавали по пятьсот граммов хлеба и похлебку без мяса. Еду получали только после выполнения нормы, а норма была такая, что и здоровый сытый человек с трудом бы выполнил. Вставали чуть свет и ложились ночью. Не выполнившим задание не давали есть, а потом стали снимать с них обувь, не пускать в барак. Если

хватало сил, люди бегали вокруг барака, но обычно мы их утром находили замерзшими. Так нашли замерзшим и архиерея, того, которого избили за молитву. Мой брат не выдержал. Утром вышли на перекличку, а он говорит:

— Я сейчас...

Начальник ругается. Побежали за братом, а он висит в петле.

Больше всего жаль детишек, за что они страдают? Из них одна девочка живой осталась. Она шла с отцом от Волги. Бывало, прибежит к нам на часок на разработки, а как станет ей холодно — убежит. Да и далеко мы стали уходить в лес. Сколько народа погибло и еще погибнет, одному Богу известно".

Так православное священство, покинутое всем культурным христианством, совершало свой крестный путь.

Но, несмотря на все преследования, пламя веры разгоралось в России с силой времен первых христиан. Пройдя через потоки крови, через горы замученных, через тысячи детских трупов, Россия нашла Бога. В этой стране, которую таинственный индекс избрал всемирным рассадником безбожия и материализма, где видимые признаки Церкви разрушались, где с 1927 года (*) не было напечатано ни строчки религиозного содержания, где начиная с детского возраста человеку внушалось презрение ко всякой вере, особенно к православной, — торжествовала победу духа истинная вера. Срывали кресты с куполов — начинали осенять себя крестом люди, ранее отвергавшие крест и Евангелие. Взрывали своды церквей — люди молитвенно обращали взор к небесному своду. Уничтожались церковные книги — Божье слово передавалось из уст в уста...

...В 1921 году в южном городе в зале кино шел показательный процесс над священником Евлогием. Его обвиняли в разврате и подстрекательстве против советской власти. Мне с трудом удалось пробраться в переполненный зал. Перед сценой под охраной чекистов сидел священник. Голова его была приподнята, строгое худощавое лицо было неземной красоты, тело напряжено в ожидании великой радости — принятия мученического венца во имя Христа.

Я не мог оторвать от него глаз: поражало сходство с обликом Яна Гуса (1370-1415) перед судом в Констанце. Зал казался окутанным в туман, на галерее кто-то кричал, но до меня это не доходило. Потом я увидел множество устремленных на священника глаз, влажных от волнения. Постепенно я рассмотрел и лица чекистов. Сердце сжалось: эти лица не были человеческими, на них была печать зверя. Я снова и снова переводил взгляд с отца Евлогия на чекистов, на судей, на прокурора. В те дни моя душа проходила трудный путь от атеизма, закаленного в борьбе с иезуитским отрицанием живого Бога, и утверждением непогрешимости главы католичества на земле, к живым источникам Евангелия и Христа.

На галерее общественный обвинитель, окруженный обществом безбожников, размахивал кулаками, выкрикивая слова, которые еще недавно разожгли бы страсти толпы. После фраз, порочивших честь священника, тот молча поднялся, медленно раздвинул полы рясы и показал вериги, в которые долгие годы было заковано его тело. В народе раздались вздохи и возгласы одобрения, а чекисты направили на него штыки. Даже обвинитель на галерее замолчал, но потом пришел в себя и продолжал извергать ругательства. Ему рукоплескали командированные на суд коммунисты и комсомольцы. Народ молчал. Затем у перегородки, отделяющей суд от публики, возникла фигура священника с черной бородой, с черным лицом, в черной рясе. Это был секретарь "живой церкви" Делавериди. Он начал тихо, но постепенно его голос усиливался. Среди моря воспоминаний в моей памяти остались аскетическое лицо и устремленные вдаль горящие глаза отца Евлогия и черный обвинитель с угрожающе поднятой рукой, кричавший:

— Я утверждаю, что он контрреволюционер!

После судилища люди ожидали священника на противоположной стороне улицы и низко ему кланялись. Десять чекистов с направленными на арестованного штыками, четверо с наганами со взведенными курками, конвоировали его так несколько дней: в кинозал на суд и назад в подвал. И каждый день его ожидала толпа, люди кланялись и тихо молились.

В прекрасной речи, долго ходившей среди населения, отец Евлогий отверг все обвинения, плоды злого вымысла. Это должен был признать и суд: священника приговорили не к расстрелу, а "всего-навсего" к семи годам. Где он умер, я не знаю, скорее всего, на далеком севере.

Через год или два после суда над Евлогием я шел в Екатеринославе в толпе, спешившей встречать своего возвратившегося из ссылки пастыря. Площадь была полна народа. И снова помню, как будто это было вчера: исхудалый, пошатывающийся от истощения, идет священник. Глаза, устремленные вдаль и немного вверх, горят, светятся внутренним светом. Те же глаза, что у

священника, то же лицо аскета, готового на подвиг во имя Распятого. С ним движется многотысячная толпа, гул утих, и над проспектом несется молитва. Милиция оттеснила толпу в боковые улицы. Церковь, где шел благодарственный молебен, вместила малую часть людей. Большинство молилось под открытым небом.

Священника вскоре снова арестовали. В подвале Екатеринославского ГПУ он заболел, и ему разрешили лежать дома, но приставили "дежурную сестру". Что это означало, он и его близкие хорошо понимали. Последние его слова были о Христе и о России.

В Кубанской области на наших глазах в течение нескольких лет проходила жизнь нескольких священников. Они были отверженными, лишенцами, не имели никаких прав, их дети не могли ни учиться, ни поступать на службу. Их вызывали по ночам, часто по вымышленным делам, издевались, богохульничали, грязно ругались. Налоги на церкви, которые числились среди кабаков и увеселительных заведений, накладывали произвольно, и очень высокие для того, чтобы закрыть их за неуплату. Небольшая деревянная церковь у нас в Приморско-Ахтарской была давно закрыта. Большую каменную закрывали четыре раза, и каждый раз верующие собирали требуемую сумму. Однажды конюх совета с женой начали переносить к себе из церкви ценные лампады. Заметивший это человек взбежал на колокольню и ударил в набат. От самосуда сбежавшихся крестьян воров спас священник.

В 1928 году один "служитель культа" сбросил во время богослужения облачения и стал призывать народ оставить Церковь, "этот очаг обмана и лжи". Крестьяне выкинули его из храма. А советская власть наградила хлебной карточкой, которой у него, как у лишенца, до тех пор не было, и избирательным правом — голосовать, как укажет партия. Он открыл парикмахерскую (был еще НЭП), где работал до начала коллективизации. Узнав, что он в списке выселяемых, бежал на Кавказ и умер там от тифа...

...В нашем районе скрывались два священника, "чужих", прибежавших к нам издалека. В мое время их еще не обнаружили. Как жили другие наши пастыри? Как-то вечером меня позвали к священнику, которого я очень уважал. За месяц до этого я видел у него еще какую-то мебель, сейчас же остались нары, стол и две табуретки. Стены были голыми и только в углу висели икона и зажженная лампада.

— Спасибо, доктор, что пришли, хотя

знаете, что с нами опасно разговаривать. Видите, как живет русский священник? Все пришлось продать, чтобы уплатить налоги, а теперь продавать уже нечего. Жена при каждом стуке вздрагивает. Уже две недели спим в одежде, чтобы не выгнали в одном белье, как отца Василия. Его взяли в исподнем и угнали, не дав одеться. У нас в соседней комнате его матушка и двое детей, их выгнали из дому, в чем стояли. Они надеялись, что мы им поможем. Но мы сами ждем, когда и нас выгонят. Вас мы просили прийти, чтобы вы помогли этим несчастным. Девочка заболела, давит в горле, не дифтерит ли? А у ее матери настоящие припадки: рвет на себе платье и беспрерывно плачет. В пустой комнате на мешках, без постельного белья, лежала женщина лет сорока в заплатанном ситцевом платье, а рядом большеглазый, худой, бледный четырнадцатилетний мальчик и восьмилетняя миловидная девочка... Я принес лекарства и сидел у них до ночи. Тихо и бесхитростно вспоминал священник людей, положивших жизнь за Христа. В его рассказе шла вереница расстрелянных, замученных, высланных, бродящих по Руси скрывающихся служителей Церкви:

— Теперь от нас отходят последние сребролюбцы. Мы же будем с нашей верой до самой смерти. Русский народ, надо думать, проходит посланное Богом испытание. И не нам дано уразуметь пути Господни...

Примечания:

(*) После ряда безуспешных попыток найти в среде архиереев верного советской власти и притом внешне благочестивого епископа, в 1927 году большевикам всё же это удалось: митрополит Сергий (Страгородский), один из авторитетнейших епископов Русской Церкви, подобно Иуде, изменил Христу, а как гражданин - своему Отечеству, опубликовав печально известную Декларацию о признании им советского режима как власти "богоустановленной". После этого репрессии в отношении "контрреволюционных" священнослужителей усилились ■

ОСНОВЫ НАШЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

У французских монархистов есть прекрасный термин, очень ёмко выражающий сущность их мировоззрения - royalisme. На русский язык перевести это слово практически невозможно. Оно является производным от ROI - ЦАРЬ, КОРОЛЬ. Дословным аналогом "роялизма" в русском языке мог бы быть "царизм", но под последним у нас стало принято понимать только определенную политическую систему, а вовсе не систему взглядов. Слово же "царист" (подобно "роялисту") вообще выглядит искусственно.

Между тем совершенно очевидно, что наименование "монархист" несколько расплывчато. Монархист есть сторонник Монархии, т.е. власти Одного. Монархистами именуют многих, и по формальным признакам действительно многие подходят под это определение. Монархистами можно назвать и подданных Иакова II Стюарта, и сторонников Вильгельма Оранского; и верных слуг Людовика XVIII, и приверженцев Наполеона Бонапарта.

Роялизм гораздо более конкретен. В нем присутствует идея служения Государю, поставленному от Бога. Здесь мы видим уже не отвлеченную философию, а её жизненное выражение, правильную реализацию. Монархистом можно быть ради каких-то выгод, из соображений временной полезности или во имя чего-то постороннего. Роялист остается роялистом всегда, в любых, самых безнадежных условиях. Преданность Государю для него стала высшим принципом, главнейшей целью. Идея Монархии в его сознании неотделима от личности Законного Монарха, и вне ее утрачивает всякий смысл.

В русском языке существует другое слово, которое, имея иное образование, полностью соответствует "роялизму" по духу - "верноподданность". Имя "верноподданного" наиболее предпочтительно для подлинного российского монархиста, т.е. монархиста, основывающегося на русской религиозной и исторической традиции, а не на абстракциях и собственных выдумках.

Миросозерцание верноподданного зиждится на трех неразрывно связанных между собой основах. Первой из них, разумеется, является **МОНАРХИЗМ**, т.е. признание Монархического устройства единственно Богоустановленным, и следовательно, естественным и обладающим максимально возможным совершенством. Будучи сторонниками Самодержавия и стремясь к восстановлению именно этой,исторически присущей России формы Государственности, верноподданные считают искусственным противопоставление Монархии Самодержавной и Монархии Конституционной. Конституционность, как комплекс определенных установлений и самоограничений, свойственна любой Монархии. Вопрос здесь лишь в том, чтобы Конституция или Основной Закон утверждал принадлежность Верховной Власти Императору.

Во избежание ненужных споров, в настоящее время в своих программных документах верноподданные стараются избегать дополнительных характеристик Монархии, считая, что необходимо сперва восстановить сам принцип государственного устройства, а потом постепенно совершенствовать его формы. Объем политической власти Государей - величина переменная, и зависит от множества объективных и субъективных факторов. Вечным же и неизменным остается Их статус Носителей Божественной Власти и Отцов Нации.

Второй основой идеологии верноподданных является **ЛЕГИТИМИЗМ**, т.е. принцип Законности и Династичности. Легитимизм в самом широком смысле этого слова означает преемственность права и законопослушание во всем. Он формирует в Нации уважение к любому закону и тем самым создает подлинно правовое государство. Династическое право есть вершина Легитимизма. Акт о Престолонаследии гарантирует непрерывность Верховной Власти и освобождает ее Носителей от какой бы то ни было посторонней зависимости. Законное наследование прав и обязанностей Императоров Всероссийских обеспечивает продолжение существования Монархии де-юре и делает возможным ее фактическое восстановление в любой момент.

Но и имя легитимиста не исчерпывающе. Одного признания юридических прав Главы Династии явно недостаточно. Чье-либо признание или непризнание не может ни прибавить, ни убавить прав ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, закрепленных в неприкосновенных статьях Основных Законов Российской Империи. Признавать статус Государыни могут не только монархисты, но и люди равнодушные к Монархии, и даже ее принципиальные противники. Для двух последних категорий ничего не стоит говорить о том, что права Великой Княгини действительно неоспоримы с точки зрения Акта о Престолонаследии, но в современных условиях это будто бы определяет лишь Ее положение в собственной Семье, и не более того. Для подлинных

же монархистов, понимающих значение Династии, необходимо проникнуться духом третьей основы нашего мировоззрения - **СЛУЖЕНИЯ**.

Верноподданническое служение, преданность Законным Государям оживотворяют теоретические и юридические принципы, составляющие монархическую идеологию. Для тех, кто постиг эту истину, Монархия как бы расцветает тысячами красок. Нельзя выразить словами счастливое, спокойное и уверенное состояние, испытываемое от сознания того, что мы уже находимся на царской службе, что для нас - Монархия уже стала реальностью.

Верноподданность есть не только система взглядов - это образ жизни. Неважно на каком поприще Бог судил нам исполнить долг перед Династией, которой целовали Крест на вечные веки наши предки. Рабочий, крестьянин, офицер, профессор, студент - каждый сейчас, находясь на своем месте способен внести весомый вклад в воссозидающийся фундамент величественного здания Православной Легитимной Монархии.

Что бы мы ни делали, наши помыслы всегда обращены к будущему торжеству Царства и возрождению Империи. Жизнь наша – за Государыню, и смерть - за Нее, и нет ничего, что бы мы не отдали на Алтарь служения Ей и Ее Делу.

Александр Закатов, начальник Канцелярии Её Высочества Великой Княгини Марии Владимировны (портрет Государыни вверху) ■

“ЗА КОРОЛЯ!”

Именно с этих бессмертных и святых слов начинается текст, написанный сербским политиком и военным Дмитрие Лётичем в тяжелые и мрачные дни весны 1945 года. Этот человек, отдавший всю свою жизнь верному служению Отечеству, Православию и Королю, в обстановке всеобщего краха и разложения не потерял веру в борьбу за возрождение родной Сербии. Среди пожара второй мировой войны, среди хорватского католического террора, среди озверевших банд коммуниста Тито, чувствуя за своей спиной Красную армию Сталина, этот человек написал простой и ясный текст в защиту славянской православной монархии, как основы гражданских свобод, частной инициативы и правового государства. Судьба Сербии и России схожи, как судьбы двух родных сестёр, обе они были завоеваны красными ордами, порабощены, а после - раздроблены и унижены. Так встанем же, друзья, вместе с нашими сербскими братьями и скажем – «За короля!».

Редакция.

За короля! Без условий и голосований, ибо судьбу народа на голосование не ставят. Мы за Короля! Мы воистину веруем, что правдивы слова «по милости Божией», которые наши Короли ставят перед своим титулом. И поэтому, как народ, мы такого Короля и хотим. Почему и ставим на своём месте другие слова, которые дополняют первые: «по воле народной».

Мы веруем, что милость Божия даёт нам Короля как знамя свободы и щит единства. Даёт нам Его как определённую для этого личность, чтобы она нас представляла, защищала и водила - поэтому и принимаем Его как народ, всей своей душой.

Когда мы это пишем, то не имеем в виду вас, малокровные и часто уже засохшие веточки народного ствола – вас, господа вырожденцы и предатели, которые давно отделили свою душу от жизни народной и для которых рационалистические схемы о государственном строе имеют ценность дешевого стекляруса, который выменивают уроженцам Африки на золото и слоновую кость белокожие преступники и прохвосты. Вы не знаете своего народа, который и по сей день верит своим старым Царям и Королям, Князьям и Владыкам. Вы не можете понять жалкого бедняка, убогого и зачастую неграмотного крестьянина, который погибает за Короля так же, как за пограничную межу своей горемычной нивы.

Он сейчас, как и всегда, в слабом свете, который ему дают только вспышки выстрелов его ружья, вытирает рукавом своей не всегда целой рубахи слёзы, которые навернулись на его глаза от старой песни, напетой, как архаичная ария под чудный аккомпанемент гуслей, о старом, светлом и уважаемом своём Господине. Вы этого не можете понять, ибо кожа у вас ещё осталась, а душа давно погибла. Вы живёте в наилучшем случае кожей и интеллектом, а душа ваша оцепенела. «Девица не умерла, но спит» (Мк. 5:39) - рек Господь перед воскрешением дщери Иаировой, сказавши затем: «Талифа куми, девица, тебе говорю, встань» (Мк. 5:41). И Он её в самом деле пробудил из этого сна. А если бы Он не пришел и пробудил её, спала бы она этим «сном без сновидений» до общего Воскресения. И кроме Него, никому больше не пробудить вашу душу. Поэтому вы не народ и не можете его понять. Ценнее перед Богом и людьми единственная слеза и единый вздох народный, чем все ваши натянутые мудрствования о наилучшем виде государственного устройства.

Из-за того, что у глаз есть свои болезни и недостатки, станется с вас выступить против зрения, ибо вы своим высокоумием измыслили в мечтах своих какое-то чувство, которого никогда и нигде не существовало. Потому-то вы и копаетесь в истории монархов, отыскиваете их недостатки и слабости, а потом ищете некий другой, рациональный орган, не замечая, что он обычно имеет все недостатки, которые есть и у монархов, но без их достоинств. Из-за пятен на Солнце вы отвергнете и свет, и тепло солнечные, народ же благодарит Бога за эти свет и тепло, а о пятнах слышит лишь изредка, да они его и не очень беспокоят, потому что дары Солнца много больше и важнее.

Никогда, сколько себя помню, не могли мы себе представить державу без Короля. Когда был у нас Король, была и держава. Когда не было у нас Его, мы были рабами. Из тьмы рабства смотрели мы на лики своих Царей, и память о них светила в ночи рабства нашего, а надежда, что ещё будет у нас Король, была подобна надежде, которую человек долгой холодной зимой возлагает на весну, когда и землю, и его самого согреют тёплые лучи вернувшегося солнца...

Наш народ - хозяин по укладу и по разуму. Нет дела без хозяина. Могут быть работы и труды, а дела быть не может. Ибо иное - труд, работа, а иное - дело. Труд - это усилие и подчинение себе материи, а дело - благословение и радость творчества. Работа - как цветок, а дело - как плод. Сколько труда и работы без плода! Потому-то хозяйственный народ не бьётся в экстазе перед трудом, но наслаждается делом.

Королевская корона Югославии (Королевства сербов, хорватов и словенцев)

Тем, кто видит здесь непоследовательность и противоречие, отвечаю: кто за дело, тот в принципе не против работы, но всегда смотрит на неё вопросительно, потому что знает, что очень часто она есть напрасное страдание и ничего больше, а умелец перед всяким делом мало говорит и много спрашивает. Поэтому наш народ за Хозяина: во Вселенной, в государстве и в своём дому. И никакое мудрование человеческое не может поколебать веры в Бога. Видит он все пречудные дела Божии, которые окружают него, и если хотите ощутить на себе бич его насмешки, только попробуйте доказать ему, что все эти дела возникли случайно, сами по себе, без порядка хозяйского и без Хозяина.

Поэтому народ - и за Короля в государстве. Не за тирана, не за марионетку, а за Хозяина. Не докажете вы своими умствованиями, что боится он Короля и Его власти, потому что больше всего он боится человеческого сообщества вообще без власти, или, что ещё хуже, с многовластием, многоначалием. Народ за единоначалие, ибо по-хозяйски он смотрит на государство. Король в нашей жизни - как второй член хозяйственного начала, первого и основного закона нашей страны. От первого, Бога, получает Он отблеск Божественного величия и сверхлогическую неприкосновенность. От третьего, хозяина - глубокое, воспринимаемое и постоянное переживаемое практическое подтверждение своего опыта. И разуму не противится, пока жизнь его в чём не поправит...

...Король препятствует выполнить давнишнюю, исконную программу всякого разрушителя всякого Божьего дела.

А нам Король как раз и нужен потому, что Он - щит в своей стране, по милости Божией и по воле народной, для всякого Божьего дела: для веры и Церкви, личности и семьи, народа и Отечества, для любой свободы и правды.

И потому - да здравствует Король!

«Наша борьба», № 58, 3 марта 1945 года.
Текст представлен в сокращении ■

НЕОЯЗЫЧЕСТВО.
ОСМЫСЛЕНИЕ.

В последние двадцать лет на постсоветском пространстве стремительно начал распространяться новый и необычный культ, провозгласивший восстановление поклонения славянским языческим богам. Это явление прочно завоевало себе место во многих государствах СНГ и грубо осело в умах молодого, уже свободного от марксизма поколения, вызывая жесткие и непримиримые споры между христианами и новоявленными поклонниками Перуна. Однако за стеной воинственных посылов и угроз осталась тайна, которая требует размышления, анализа и выявления. Огромная ошибка, которая может в конечном итоге разрушить остатки Русского мира и окончательно погребсти его под распрями и войнами, осталась скрыта. Попробуем же приоткрыть эту завесу тайны.

Нам, русским людям не испытавшим красной власти досталось тяжелое и печальное наследство от наших отцов и дедов. Мы не только унаследовали пороки и грехи наших предшественников, но и по свойству человеческому приобрели еще и свои уникальные грехи, которые во многом ухудшают наше положение и затрудняют какую-либо работу над ошибками. В душное и гнилое время перестройки, когда обезличенный тяжелым трудом советский человек не мог воспринимать объективно, разворачивавшуюся вокруг себя реальность, появилась страшная тенденция «спасения» себя в иллюзорном мире. Желание сбежать от катастрофы, разворачивавшейся на глазах наших родителей, проявлялось по разному: кто-то в уже далёкие 90-е стрелялся, кто-то спивался, кто-то бросался с головой в различные «спасительные» культы, которые размножались в разложившийся стране, как грибы на гнилом дереве. Кто-то с разбега нырнул в удобный Московский Патриархат, и стал «православным» верующим в карму, переселение душ и бабушкины заговоры, а кто-то выбрал путь построения всё того же «золотого века», только уже не коммунистического, а славянского. Именно эта облагороженная и обновлённая идея стала всё сильней и сильней пускать корни в слабой, маловерной и пустой душе бывшего советского человека. В этой идее советский человек, «бастард» некогда могучего русского народа, удобно нашел оправдание своего малодушия и своей слабости. Он, не находя в себе силы бороться с окружающим миром за своё счастье, за возрождение России, взял и отверг все 1000 лет её истории, оправдывая своё

бездействие пустой риторикой о том, что, дескать, христианская самодержавная Россия – это не истинная Русь. Всем этим людям, разобщенным, слабым, не способным к истинному подвижничеству и тяжелому пути борьбы, болезненно и больно представлять, что когда-то разрозненные мелкие племена, приняв христианство, смогли огромными духовными и физическими жертвами обратиться в великую Российскую Империю!

Вырождаясь окончательно, советский человек уже неспособен восстановить в том или ином виде образы минувших эпох, идеалы и стремления живого русского народа, то есть героическое прошлое, требующее от верных сынов России действий, подвига покаяния и борьбы.

Вымышленные же «народные» традиции, которые помогают «слиться» с природой, дают возможность, не навлекая на себя гнева сильных мира сего, мечтать о восстановлении какой-то славяно-арийской державы, где они, все "русы", равны богам: почетные воины или князья, одним словом - герои. Ведь детям миллионов трактористов, вчерашних колхозников, строителей и прочих обитателей маленьких квартирок, именно так живётся легче и спокойней.

А каков результат этого всего? Это полный уход от реальности и невозможность принять нашу историю такой, какая она есть. Принять академическую науку, где есть тысячелетняя Русь, построенная и выстраданная русскими христианами, которые с молитвой побеждали несметные полчища врагов; и где нет вымышленных славяно-ариев, полубогов, летавших несколько тысячелетий назад на вертолётах и космических аппаратах. Всё это

отрицание, основывающееся на пустых и ложных фантазиях, ведёт лишь к расщеплению остатков русского народа на различные противоборствующие атомы, где неоязычники выступают одной из сторон, приближающей конец русского народа как этноса. Архаизация своей культуры, отрицание её и нежелание признать себя теми, кем они являются на самом деле – грешными и порочными продуктами советского режима, предавшими национальную христианскую Россию, играет на руку только её врагам. Именно теперь всем этим людям необходимо отбросить личные домыслы, желания и взгляды, и принять, именно принять - Россию, такой какой она на самом деле была. Нельзя отрекаться от своей матушки-старушки, неграмотной, лапотной, богомольной, ради своих мечтаний о великой воительнице-богине.

Нам есть чем гордится; но всё, чем мы можем гордиться, создано христианством и христианами. Другой Отчизны, кроме Святой Православной Руси и могучей Российской Империи у нас нет: пусть и поруганной красными, разбитой и умирающей. Каждый язычник должен это понимать и расценивать свои действия простой фразой: против Христа значит против России.

Нет смысла вступать в споры о христианстве и язычестве, доказывать, что вера во Христа Распятого не еврейская выдумка, что для Бога мы не рабы, или разбивать остальные мифы, которыми пичкают молодёжь в книгах новоявленные волхвы из бывших комсомольцев.

В умах людей, впитавших подобную литературу, уже нет места великому и прекрасному, у них остался набор псевдоучений и взгядов: религия, низведенная до уровня первобытных племен; наука как набор фантастических теорий; прошлое, а именно кривичи, древляне, поляне, или хуже того - вера в то, что этруски (по-славяно-арийски "этРУСки") – создатели Римской империи; и наконец искусство, ограничивающееся умением рисовать коловраты.

Таким людям хочется сказать, что кроме разрушения старого, русского, они подобно красной чуме не несут ничего иного. Только пустоту окончательного одичания.

Сейчас как никогда важно всем тем, кто случайно или неосознанно присоединился к данным группам людей, открыть для себя истинное положение дел и отказать в помощи всем этим разрушителям России. Необходимо каждому осознать, что вина за кризис русской культуры и народа не в окружающем нас мире, не в традиционных ценностях христианского мира, а в нас самих, то есть в людях, взращенных в вакуумной среде Совдепии или современной демократии. Этот вакуум невозможно восполнить политизированными культами или узко-националистической риторикой. Его возможно заполнить только благодатью Веры Христовой. Именно той силой, которая помогала русскому народу формироваться в далёкие времена, биться против монгол и немцев, против шведов и поляков, той силой, которая сможет вновь возродить Белое Царство.

Только единая и православная может быть Россия, где есть место всем коренным российским народам и культурам, но нет места расколам и распрям. Задача любого патриота преодолеть современную раздробленность и вернуться к реальным ценностям – Православия, Самодержавия и Народности ■

РОЛЬ ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

Для восстановления крестьянства, как сословной группы, требуется полное возрождение духовной жизни населения. Читатель, конечно же, может засомневаться в прямой связи духовного состояния народа и освоения сельскохозяйственных земель, однако для подтверждения данной позиции следует обратиться к опыту нашего народа, который за короткие сроки без специальных технических средств смог освоить 1/5 часть земной суши. Ярким примером тому служит стремительное освоение Севера и Северо-Востока русскими подвижниками-монахами, которые подобно древним проводникам вели за собой русское крестьянство на новые земли. Самым важным и знаменитым из монастырей, основанных среди глухих лесных дебрей, был небольшой монастырь в честь св. Троицы близ маленького города Радонежа. Монастырь святого Сергея положил начало монастырей нового типа – монастырей пустынных, далёких от городов и сёл. Так в течении XIV- XVI веков русские пустынножители по бездорожью смогли дойти до берегов Белого моря, Северного Ледовитого океана, подойти вплотную к освоению Сибири и иных удалённых окраин государства Российского. Уходя всё дальше и дальше, ученики Великого Сергея Радонежского, в диких и пустынных землях зажигали не только маяки русского духовного света, но и закладывали основу для будущего русского освоения этих земель. Под их энергичным и умелым руководством край начинал оживать и преображаться, стремительно включаясь в общую жизнь русского государства. Потихоньку, маленький ручей монастырской духовной жизни превращался в могучую реку общерусского бытия, привлекая к возникшим монастырям не только богомольцев, но и крестьян-земледельцев ■

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Ниже приводятся отрывки из воспоминаний Т.Е. Мельник-Боткиной, дочери доктора Е.С. Боткина, доблестного лейб-медика покойного Государя Императора Николая II и всей Царской семьи; врача, оставшегося верным тем, чье здоровье он призван был оберегать. Он не в силах был уберечь их жизнь, но, оставшись с ними до последней их минуты, он разделил их мученическую участь.

...Не мы одни пользовались каким-либо исключительным расположением царской семьи: свои заботы и внимание они распространяли на всех, кого знали, и часто в свободные минуты великие княжны шли в комнату какой-нибудь судомойки или сторожихи, чтобы понянчить там детей, которых они все очень любили. До осени 1911 года мы, дети, не видали царскую семью иначе, как на улице, и только слышали о них от наших родителей. Мой отец всегда говорил нам, что любит их высочества не меньше нас, своих детей. Рассказывал, как они трогательно дружны между собой, как, в особенности, Анастасия Николаевна любит Ольгу Николаевну, всюду ходит за ней и с уважением и нежностью целует у нее руки; как они просты в своей одежде и в образе жизни, так что Алексей Николаевич донашивал старые ночные рубашки своих сестер. Вскоре после нашего переезда в Царское Село моя мать ездила представляться императрице Александре Федоровне.

— Во-первых, оденьтесь как можно проще, — сказала моей матери одна из фрейлин — наша родственница Ольга Евгеньевна Бюцова. И моя мать поехала в черном суконном платье. Ее величество принимала ее одну в своей маленькой гостиной с сиреневой мебелью и все время расспрашивала о моем отце и о нас — детях, так что моя мать вернулась в восторге от простого и внимательного отношения ее величества. Осенью 1909 года их величества были в Крыму, и его величество захотел испытать на себе тяжесть солдатского снаряжения. Поэтому он приказал принести себе таковое из 16-го стрелкового императора Александра III полка, стоявшего в Ореанде. Снаряжение было послано со стрелком, которому государь сказал:

— Одевай меня, а то я не знаю, что надевать сначала.

Одевшись, государь вышел из дворца, прошел по Ливадийскому парку, вышел в Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцового городового дорогу в Ливадию. Городовой, не узнав царя, ответил довольно резко, что туда нельзя идти и чтобы он повернул обратно. Вряд ли городовой узнал когда-нибудь свою ошибку, так как государь молча повернулся и пошел, куда ему показали. Он ходил около двух часов по горам и, вернувшись, стал раздеваться при помощи все того же стрелка. Впоследствии ротный командир той роты, из которой посылали снаряжение, попросил его величество занести, как полагается всем стрелкам, собственноручно имя и фамилию в книжку и заполнить некоторые графы. У меня хранится фотография с первой страницы этой книжки, написанной государем императором. Этой же осенью ее величество пошла с Вырубовой в Ялту за покупками. Вскоре пошел сильный дождь, так что, когда ее величество вошла в магазин, с ее зонтика натекли большие лужи на пол, и приказчик строго сказал ей, указав на подставку для палок и зонтиков:

— Мадам, для этого есть вещь в углу. Императрица покорно поставила зонтик, но велико же было смущение приказчика, когда Вырубова сказала: «Александра Федоровна...», — и он догадался, с кем разговаривал.

...Вообще простота и скромность были отличительными чертами царской семьи. Великие княжны говорили:

— Если вам не трудно, то мама просит вас прийти. Никогда никто из окружающих не слышал от их величеств или от их высочеств слово «приказываю».

...Один раз пришел государь, и от одного взгляда его чудных синих глаз я чуть не расплакалась и ничего не могла ответить на его вопросы о нашем путешествии. Неудивительно, что я, девочка, смутилась, но я знаю светских дам и мужчин, не один раз видевших государя и говоривших, что от одного взгляда этих глубоких и ласковых глаз они еле удерживали слезы умиления и готовы были на коленях целовать у него руки и ноги. Я помню, как мой отец рассказывал о жизни в Могилеве во время войны, когда в отсутствии ее величества государь, сам разливая вечерний чай, спрашивал, указывая на сахар:

— Можно пальцами?

А для моего отца это было действительно счастьем — получить кусочек сахара, тронутый его величеством.

...Во время пребывания их величеств в Крыму ее величество всегда устраивала базары с благотворительной целью. Впоследствии на деньги, собранные таким образом, а отчасти и на личные средства ее величества была построена в Массандре на берегу моря чудная санатория, куда во время войны посылались на климатическое

лечение раненые офицеры.

Главный доход на этих базарах доставляли собственноручные работы ее величества и великих княжон, состоявшие в очень красивых рукоделиях или рисунках. Ее величество замечательно искусно делала акварелью различные виньетки на каких-нибудь пресс-папье, рамочках или коробочках, сразу делавших скромную вещь заметной своим изяществом и красотой. За столом с этими вещами всегда ее величество, а также и великие княжны присутствовали сами, и понятно поэтому, что толпа была невероятная и продажа шла с исключительной быстротой. За другими столами торговали светские дамы, проводившие сезон в Ялте, которых ее величество привлекала таким образом к благотворительности.

...Как только была объявлена война, вспыхнул грандиозный патриотический подъем. Забыты были разбитые трамваи и немецкие трехрублевки, казаков встречали криками радости, а вновь произведенных офицеров качали и целовали им погоны.

По улицам Петербурга ходили толпы манифестантов с иконами и портретами его и ее величеств, певшие «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Боже, Царя храни». Все бегали радостные и взволнованные. Никто не сомневался, что через три месяца наши победоносные войска будут в Берлине.

При таком настроении публики государь приехал в Петербург читать в Зимнем дворце манифест об объявлении войны. Когда их величества проходили по залам Зимнего дворца, то возбужденная публика, забыв все этикеты, кидалась к ним, обступая их кольцом, целуя руки им обоим и подол платья императрицы, у которой по красивому одухотворенному лицу текли крупные, тихие слезы радости.

Когда его величество вышел на балкон, то вся толпа, запрудившая площадь Зимнего дворца, так что еле можно было дышать, как один человек, упала на колени, и все разом подхватили «Боже, Царя храни».

Всем, видевшим события 1917 и 1918 годов, трудно поверить, что это была все та же толпа тех же рабочих, солдат и чиновников.

...Их величества вернулись в Царское Село и еще больше упростили и без того простой образ жизни своего двора, посвятив себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол. Стали подавать только два блюда за завтраком и три за обедом. Ее величество, в свою очередь, сказала, что ни себе, ни великим княжнам она не сошьет ни одного нового платья, кроме форм сестер милосердия, да и те были заготовлены в таком скромном количестве, что великие княжны постоянно ходили в штопаных платьях и стоптанных башмаках, все же личные деньги их величеств шли на благотворительность. В Царском Селе моментально стали открываться лазареты, куда ее величество постоянно посылала вина, лекарства и различные медицинские усовершенствования и дорогие мелочи. Были открыты комитеты — ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), и великие княжны лично председательствовали на заседаниях и входили во все дела.

Во всех дворцах были открыты склады ее императорского величества, снабжавшие армию бельем и перевязочными средствами. Моментально были оборудованы санитарные поезда имени всех членов царской семьи, образцы чистоты и удобства, подвозившие раненых в районы Москвы и Петрограда.

В течение всей войны, каждое Рождество и Пасху, всем раненым Царскосельского района выдавались великолепные подарки на личные средства их величеств, как, например, серебряные ложки и вилки с гербами, и, кроме этого, еще устраивались елки с угощением. Их величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительные суммы раздавались нуждающимся раненым, так что, наверно, многие из них и не подозревали, откуда идет им помощь. Еще менее знали об этом в обществе, так как это шло иногда через моего отца, иногда через других лиц, умевших хранить секреты. Между прочим, помогала в этом деле и Вырубова — человек очень щедрый и отзывчивый к чужому несчастью, благодаря чему, после того как во время революции ее выпустили из тюрьмы, она, желая избежать вторичного ареста, находила приют в подвалах и каморках бедняков, когда-то вырученных ею из нищеты.

...Однажды в Царском Селе на Братском кладбище хоронили скончавшегося в одном из царскосельских лазаретов офицера. Один из наших друзей-офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказывал нам впоследствии, как глубоко он был потрясен всем им виденным. Служба еще не начиналась, но публики в церкви собралось много, и в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого

вышла дама, вся в черном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знамением. Офицер отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в ней государыню императрицу, которая одна ночью молилась за души погибших своих подданных.

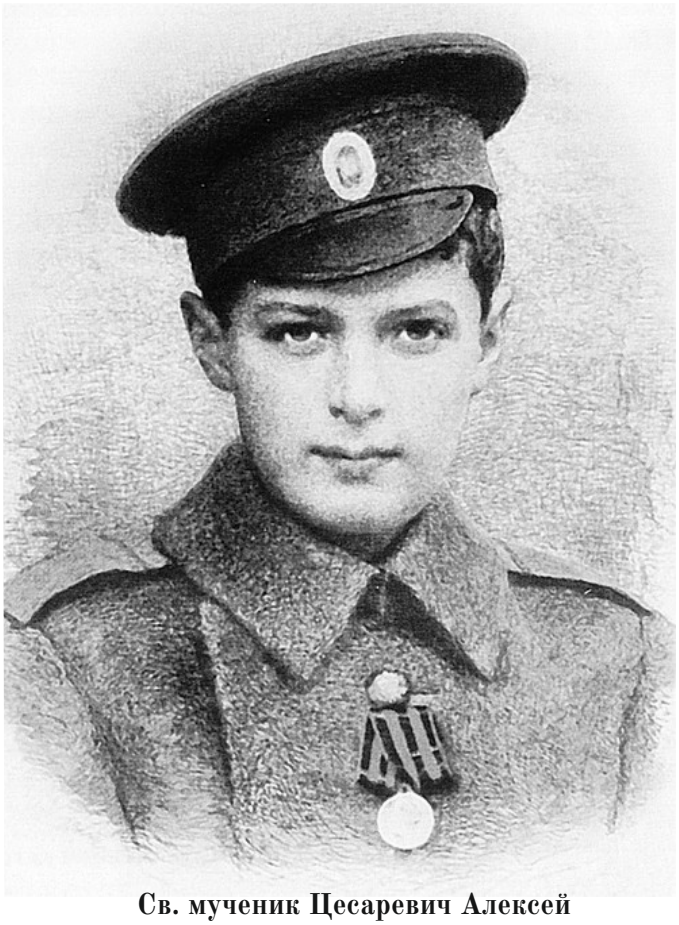
— Я удивляюсь их трудоспособности, — говорил мне отец про царскую семью, — уже не говоря про его величество, который поражает тем количеством докладов, которые он может принять и запомнить, но даже великая княжна Татьяна Николаевна; например, она, прежде чем ехать в лазарет, встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом они обе едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер, они сразу берутся за рукоделие или за чтение.

Действительно, во все время войны и без того скромная жизнь царской семьи проходила одинаково изо дня в день за работой. Так проходили будни, праздники же отличались только тем, что вместо утреннего посещения лазарета их величества и их высочества ездили к обедне в Феодоровский государев собор.

...Впоследствии, проезжая через Сибирь, я встретила одну даму, она рассказала мне следующий случай: ей пришлось быть однажды в следственной комиссии, помещавшейся в Петрограде в Таврическом дворце. Во время долгого ожидания она слышала разговор, происходивший в соседней комнате. Дело шло о корреспонденции царской семьи. Один из членов следственной комиссии спросил, почему еще не опубликованы письма императрицы и великих княжон.

— Что вы говорите, — сказал другой голос, — вся переписка находится здесь — в моем столе, но если мы ее опубликуем, то народ будет поклоняться им, как святым. — Il n'y avait pas du mal, il y en avail seulement l'apparence, — говорил один из наиболее близких к царской семье людей, П. Жильяр. — Mais c'est assez pour le peuple, — добавлял он. (Зла не было, была только одна видимость. Но это достаточно для народа).

Для народа — да, для народа, представляющего собой слепую массу, которая поддается каким угодно внушениям; но меня



Св. мученик Цесаревич Алексей

удивляет, как люди развитые и образованные, более или менее знавшие семью, могли верить и распространять всю преступную болтовню, исходившую от «творцов революции».

— Я теперь понимаю, — слышала я от одной дамы после революции, — что мы своими неумеренными разговорами оказали неоцененную услугу революционерам; мы сами во всем виноваты. Если бы мы раньше это поняли или имели достаточно уважения к царской семье, чтобы удерживать свои языки от сплетен, не имевших даже основания, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело. У нас же к моменту революции не было ни одного уважающего себя человека, не старавшегося как-нибудь задеть если не его величество, то ее величество. Находились люди, когда-то ими обласканные, которые просили аудиенции у ее величества в заведомо неудобный час, и когда ее величество просила зайти на следующий день, говорили:

— Передайте ее величеству, что тогда мне будет неудобно.

При помощи тех же злых языков распустился слух о германофильстве нашего двора и о стремлении ее величества заключить сепаратный мир. Все кричали:

— Подумайте, она немка, они окружили себя немцами, как Фредерикс, Бенкендорф,

Дрентельн, Грюнвальд, — и, ухватившись за эти четыре фамилии, склоняли их во всех падежах, забывая прибавить, что, кроме этих лиц, при дворе были графиня Гендрикова, князь Долгоруков, генерал Татищев, Воейков, граф Ростов¬цев, Нарышкин, Мосолов, Комаров, князь Трубецкой, князь Орлов, Дедюлин, Нилов, граф Апраксин, Аничков, князь Путятин и другие. Да и никто не старался проверить, немцы ли или германофилы граф Фредерикс и граф Бенкендорф. Всякий же, хоть раз видевший Дрентельна, твердо запоминал по его наружности, что он русский, имевший несчастье носить иностранную фамилию, так как кто-то из его предков-иностранцев сотни лет тому назад поселился в России.

...Я утверждаю, что не было ни одной более русской женщины, чем была ее величество, и это с особенной яркостью высказывалось во время революции. Глубоко православная, она никогда и не была немкой иначе как по рождению. Воспитание, полученное ее величеством, было чисто английского характера, и все бывшие при дворе знали, как мало общего у ее величества с ее немецкими родственниками, которых она очень редко видела, из которых некоторых, как, например, дядю — императора Вильгельма — прямо не любила, считая его фальшивым человеком. Не будь ее величество такая русская душой, разве смогла бы она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую она вложила в своих августейших детей. После революции особенно сказалось отношение ее величества ко всему русскому. Пожелай она, намекни она одним словом, и император Вильгельм обеспечил бы им мирное и тихое существование на родине ее величества, но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, ее величество говорила: — Я лучше буду поломойкой, но я буду в России. Это — доподлинные слова ее величества, сказанные моему отцу. Я думаю, что этого не скажет ни одна русская женщина, так как ни одна из них не обладает той горячей любовью и верой в русского человека, какими была проникнута государыня императрица, несмотря на то, что от нас, русских, она ничего не видала, кроме насмешек и оскорблений. Нет тех кар, которыми русский народ может искупить свой великий, несмываемый грех перед царской семьей, и, переживая теперь все нескончаемые несчастья нашей родины, я могу сказать, что продолжайся они еще 10, 20, 30 лет, это будет вполне заслуженное нами наказание ■

Воспоминания Т.Е. Мельник-Боткиной были опубликованы впервые в 1921 году в Белграде.

ВЫХОД ИЗ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ СМУТЫ

Игумен Николай (Мамаев), Кёнигсберг

По завершении активных боевых действий Гражданской войны, за пределами бывшей Российской Империи оказались сотни тысяч русских беженцев и остатки Русской Армии генерала П.Н. Врангеля. Вместе с ними в многолетнее тяжелое изгнание ушли десятки епископов Российской Церкви, образовавшие Русскую Православную Церковь Заграницей (РПЦЗ), которая заявила о своей верности законной Царской власти. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний Храповицкий призвал русский народ подчиниться своему законному Государю Императору Кириллу I Романову. На протяжении долгих лет лучшая часть русской эмиграции продолжала оставаться верной Российскому Императорскоду Дому в изгнании. В 1981 году РПЦЗ причислила к лику мучеников Императора Николая II и всю Царскую Семью, убиенную большевиками в 1918 году. Но в начале 1990-х гг. по причине непонимания со стороны архиереев РПЦЗ и отсутствия общего языка с Архиереским Синодом Великий Князь Владимир III Кириллович, двоюродный племянник Николая II и Глава Императорского Дома, оказался под влиянием руководства "Московского Патриархата Русской Православной Церкви" - организации, созданной Сталиным в 1943 году и всегда находившейся под полным контролем коммунистов, а ныне лицемерно называющей себя всей полнотой Русской Церкви. Спустя некоторое время РПЦЗ как церковная организация стала распадаться на "юрисдикции". Значительная часть Церкви во главе с предателями-епископами перешла в МП РПЦ. Но оставшаяся верной Православию Русская Зарубежная Церковь за короткий срок распалась на несколько самоуправляемых "осколков", епископы которых до сих пор не имеют между собой общения.

Судил нам Бог родиться в такое время, когда недостаточно одних слов, мало одних убеждений. Когда всякий человек, не подтверждающий свою веру делами, рано или поздно, проявит себя как позёр и лицемер. В общем-то, славное время - время героев, хранящих подлинный аристократизм духа. Словно бисер в гное земном, искрой Божией блистает по русской земле подрастающая национальная элита, пробиваясь сквозь побеги гнилого большевицкого

семени. Так в 1918 г. по капле стекалась на Дон русская молодёжь, наводившая ужас на большевиков неотвратимостью беззвучных атак; избегая омутов официального кривославия встают на путь святоотеческой веры те, кто жаждет правды, те, кто продолжит и закончит однажды Русскую Реконкисту. В христианской традиции облику героя всегда соответствовал образ витязя, рыцаря, корнями своими уходящей в героическую эпоху крестовых походов и битв с азиатскими ордами, т.е. в то время когда греха боялись больше смерти, а посягательства на Церковь воспринимались не иначе как личное оскорбление.

Именно такое отношение к Истине и формировало психологию истинных аристократов духа: суровых к себе, страшных врагам и милосердных к слабым, ибо именно так понимали честь те в сердцах которых жил Христос. Эта священная честь и сегодня заставляет всякого христианина, и стара и млада, противостоять жестокому натиску безнравственных и антихристианских движений, к нашей скорби, пока всюду побеждающих. В скором времени РФ ожидает усиленный натиск содомитов, общеевропейская тенденция это убедительно доказывает, а жёсткое продавливание Ювенальной юстиции подтверждает верность кремлёвской камарильи антихристианским установкам. Процессы по оскотиниванию людей и созданию безликого человеческого стада повсеместно набирают обороты. Что же готовы противопоставить сатанинской агрессии истинно-православные христиане и их пастыри добрые, неужели позволят уничтожить в борьбе мужающую национальную элиту? Всегда во всех народах в самые трагичные дни истории появлялись люди, ставящие национальные приоритеты выше собственной жизни, никем не понукаемые, движимые лишь любовью и чувством долга. Такие борцы готовы были вести сражения в самых невыгодных для себя условиях. Вспомним совсем нелогичный поступок воинов Евпатия Коловрата, кинувшихся "по русскому обычаю" достойно проводить армаду батыева войска. Никем не принуждаемы к подвигу были герои первой русской смуты: св. мученик патриарх Ермоген, гражданин Минин-Сухорук, князь Димитрий Пожарский, защитники Смоленска и Троице-Сергиевой Лавры. Безчисленное множество героев дала длящаяся с 1917 года вторая смута, то как-бы затухающая, то принимающая активные формы вооружённой борьбы.

Пусть в тактическом плане мы пока не выглядим победителями, но, внешне терпя поражение, в стратегическом отношении мы приближаем свою победу. И это ни в коей мере не является преувеличением, или же чёрным юмором висельника, ибо все годы большевицкой оккупации выходят из русского народа аристократы духа, готовые очистить нашу землю от сатанинской мерзости и революционного зловония; с течением времени наша правда становиться всё более очевидной, а ложь оккупантов всё более явной. Правда, дающая смысл всякой жизни, обеспечена хранимой в наших сердцах Истиной и совершаемой в нашем святилище Литургией, ибо если с нами Бог - кто против нас? Всё, с нами ныне происходящее, есть тот духовно-нравственный стационар, что ставит больного на ноги и даёт иммунитет к тем болезням, которые ещё могут ожидать его до конца определённых ему времён. И, как нам видится, важнейшим фактором, гарантирующим полное исцеление Русского народа может быть та вакцина, прививку которой мы упрямо избегали, но с принятием которой мы только и сможем встать на ноги. Речь идёт о церковно-государственном правосознании. Сегодня уже не требуется приводить множество аргументов в подтверждение той мысли, что лишь массовое заражение ведущего сословия Российской Империи бациллами революции спровоцировало наше поражение и позволило чужеродной инфекции парализовать национально-государственный организм России. Сегодня мы читаем собственной кровью написанную историю нашей болезни и считаем преступной всякую халатность, допущенную при определении болезни, и тем паче - при составлении рецепта. Остальное зависит только от смирения и от послушания больного. Если проникновение революционной заразы на первых порах привело к гибели Империи, то последующее заражение умов вылилось потоками крови и церковными расколами, логично завершившееся конфликтом с Домом Романовых, ибо наивно полагать, что дьявола, скрывающегося за кумачом революции, могла удовлетворить наша верность Соборной Клятве 1613 года на верность Царям из рода Романовых, и каждой отдельной Клятве верноподданного Императоров Всероссийских.

Охладевшее за годы революции монархическое правосознание (легитимизм) не способствовало национальному здравомыслию русского человека, а кажущаяся свобода жизни в эмиграции часто приводила к непродуманным и подлинно революционным поступкам, имеющим далеко идущие и трагические последствия. Неслучайно некоторые идеологи монархизма в Зарубежье, погружаясь в теоретические изыскания о будущем Русского Царства, не видели возможности для проявления своих монархических чувств буквально у себя под носом. Без общецерковного осмысления Революции призыв

первого Первоиерарха Русской Церкви в изгнании митрополита Антония (Храповицкого) о покаянии в грехе февральской измены Государю Императору фактически не дошёл до сердец русских людей, и последующие события со всей очевидностью это доказали.

Таким образом, приобретение благочестивой привычки мыслить и поступать в соответствии с церковным Преданием и законами Российской Империи есть необходимое условие нашего национального ПОКАЯНИЯ, и именно ОТСУТСТВИЕ этой привычки обличает всякого "христианина" как революционера и разрушителя, какие бы ризы или погоны он не старался на себя надеть.

В связи со всем вышеизложенным, позволю себе огласить предложение, касающееся "осколков" нашей Зарубежной Церкви и их Первоиерархов. Оно обусловлено тем, что среди архиереев по определению не может быть немонархистов и не-патриотов России, согласно этим чувствам каждый из почитаемых митрополитов и архиепископов озабочен судьбой русского народа и всячески желает ему благополучия. На мой неискушённый взгляд, наличие монархических убеждений у архипастырей не должно подвергаться сомнениям. В таком случае юрисдикционные различия не могут быть препятствием в деле освобождения России для того кто не мыслит себя иначе как сыном исторической России и чадом Русской Церкви, тем более что каждый Первоиерарх возглавляет "истинную Церковь", а значит не может быть свободен от нравственных обязательств по отношению к своему Отечеству. Если это так, то он просто обязан, по примеру патриарха Ермогена, собрать лучших представителей нации для восстановления в России легитимной власти. Поскольку каждый "осколок" состоит из монархистов и патриотов, то ничего не должно препятствовать их объединению в борьбе за общее дело. С другой стороны, это не значит, что они обязаны принимать участие в совместной литургии, поскольку каждый из них в отдельности является чадом "истинной Церкви" и враг экуменизму. Однако совместные задачи требуют единого Координационного Центра, направляющего деятельность создаваемого Национального Фронта, залогом успешной работы которого может быть только твёрдый фундамент церковно-государственного правосознания. Сможет ли нас сплотить общенациональная беда?

При единстве целей и задач такая деятельность представляется весьма возможной, пример протестантско-католической Германии 1933-1945 годов тому доказательство. Ведь невозможно представить, чтобы православные христиане проявили менее организаторских способностей, чем обременённые ересями европейцы. К тому же, атмосфера общенациональной борьбы обязательно проявит подлинный лик и рядового монархиста и архиерея, когда невозможно будет скрыть свои настоящие приоритеты; тогда политика будет определяться верностью Христу, а значит, вся борьба будет происходить под знаменем легитимизма (законности): церковного, монархического, правового. В этом случае всем нам придётся оперировать не чьим-то частным мнением о "законности" или "незаконности", например, прав и обязанностей Главы Императорского Дома Романовых, а Основными Законами Российской Империи, и именно приоритет высшего церковно-государственного Закона в умах русских людей окончит столетнюю смуту. Приоритет высшего Закона даст право нашему Самодержцу и Главе Церкви покончить с церковными расколами и обличить псевдо-церковные организации. Вот тогда-то от многих первоиерархов и "истинно православных христиан" потребуется твёрдость духа, дабы признать свои ошибки и проявить верноподданнические чувства. Именно к такому смирению и покаянному возвращению на стези подлинного гражданского правосознания ведёт нас Промысел Божий, т.к. невозможно творить дело Божие на земле, будучи носителем духа беззакония и революции. Все наши жертвы, муки и пролитая кровь являются очень дорогой платой за допущенные ошибки, но вместе с тем мы получили и безценный опыт труднейших уроков истории, который не останется невостребованным.

Будем надеяться, мы смогли сделать необходимые выводы из столетней смуты, и не за горами тот день, когда Русский народ принесёт Присягу своему Императору, которая станет смертным приговором уголовно-криминальному оккупационному режиму. Тогда вновь Святая Русь засверкает куполами Российской Империи, разгоняя сатанинский мрак захвативший наше Отечество ■

В центре - малый герб династии Романовых.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Балтийского Авангарда Русского Сопротивления (Б.А.Р.С.)

Наша организация преследует единую конечную цель:

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

Для достижения своей цели, учитывая также региональный характер деятельности организации, Б.А.Р.С. ставит перед собой следующие задачи:

1. Обращение помыслов и стремлений русских людей к древнему русскому религиозно-политическому идеалу Святой Руси.
2. Обретение русскими людьми подлинной гражданской ответственности, сознательности и политической воли.
3. Поддержка и помощь общинам, приходам и священникам, исповедующим в чистоте Православное учение о Боге, Церкви и государственной власти.
4. Помощь гражданам в создании всех необходимых условий для полноценной жизнедеятельности посредством борьбы с беззаконными действиями местных органов власти, взявших на себя известные обязательства, зафиксированные в федеральных и региональных законодательных актах существующего политического режима.
5. Реабилитация в общественном мнении всех без исключения отдельных русских воинов и целых русских национальных армий, сражавшихся с оружием в руках в разные годы и на разных фронтах против коммунистического интернационала и его главного политического образования - СССР.

Методика решения поставленных задач:

1. Создание мощной автономной политической организации русского национального сопротивления с отделениями во всех значительных населённых пунктах Кёнигсбергской области, которая станет политической силой, способной оказывать непосредственное влияние на решения и деятельность региональных органов законодательной, исполнительной и судебной власти существующего политического режима.
2. Борьба за торжество в массовом сознании идей законности, порядка, дисциплины и верности исторической России.
3. Проповедь православного христианства, не поврежденного ересями и лже-учениями XX века.
4. Борьба за права и законные интересы граждан, обращающихся к организации за помощью и поддержкой. Проведение публичных протестных акций.
5. Распространение информации о забытых, скрываемых или оболганных эпизодах и героях Русской национальной истории; а также иных сведений, представляющий практический интерес, посредством печатных органов организации и ее интернет-ресурсов.

Каким образом сочувствующий нашему движению русский человек может способствовать достижению организацией ее конечных целей?

1. Вступить в организацию и стать одним из ее соратников.
2. Предоставлять информацию (анонимно или открыто), которая может быть полезна для организации.
3. Пожертвовать на нужды организации.
4. Посещать публичные мероприятия организации.
5. Предлагать конкретные идеи.
6. Конструктивно критиковать недостатки и ошибки в деятельности организации.
7. Распространять информацию об организации, ее программе, мероприятиях и проектах.
8. Распространять номера печатных изданий организации и ее агитационные материалы.